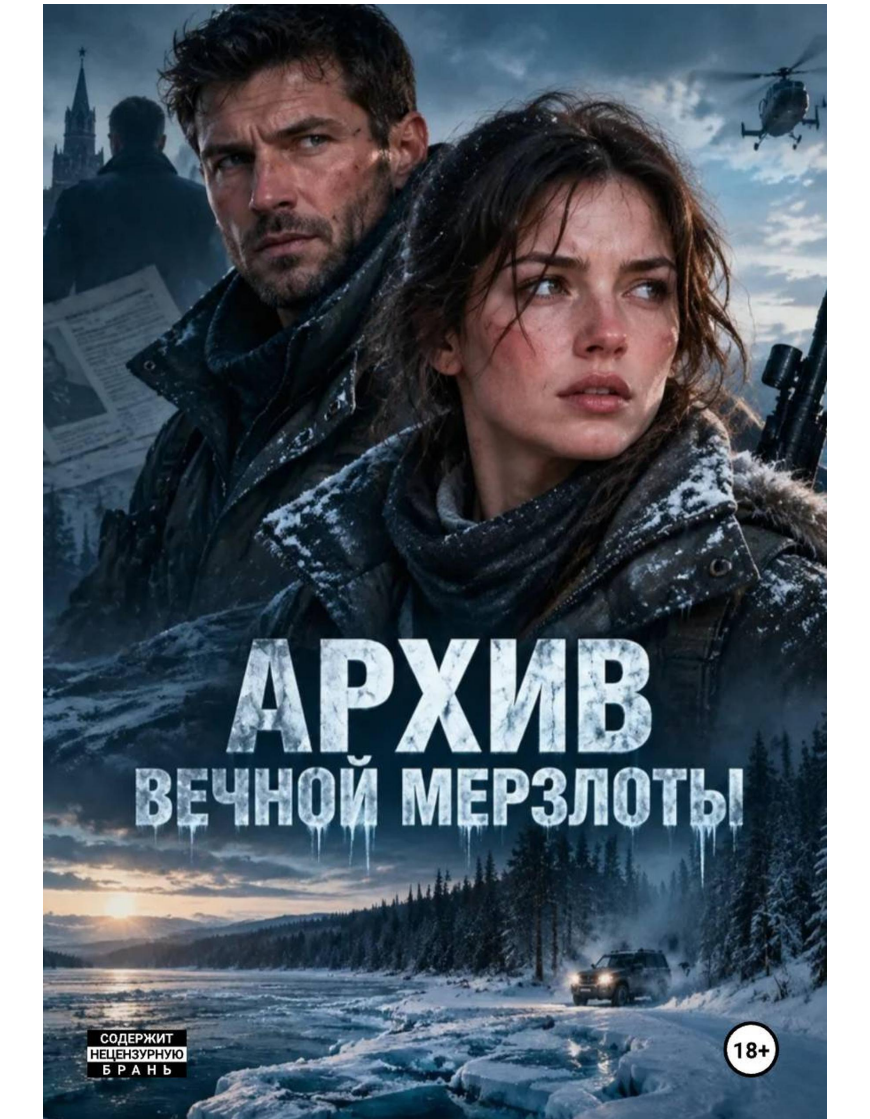

АРХИВ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Пламенная

Архив вечной мерзлоты

<https://litres.ru/74564713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда твоя статья становится ордером на твой арест, единственный выход — исчезнуть с тем, кто должен был тебя убить.

Беглая журналистка Мария и сын министра Александр, который вдвое старше девушки, инсценируют свою смерть в ледяных водах Волги, чтобы скрыться в глухой сибирской тайге.

Это история о любви, выросшей из взаимной ненависти на фоне минус пятидесяти градусов. Война системы против двоих людей, у которых остались только их шрамы, один автоматический карабин и бесконечная зима впереди.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мария Пламенная

Архив вечной мерзлоты

Глава 1

Мария была девушкой открытой, но с заметными нотами интроверта. А так же необычной экстравагантной внешности.

Она была красива. Длинные тёмные волосы и большие карие глаза. Пирсинг в носу и пухлые губы. Тонкая худощавая фигура в сочетании с женственностью и азартностью. Да и в жизни она была скромной лишь на первый взгляд. А за этой маской пряталась дерзкая бунтарка, порой любящая вредные привычки и приключения. Например, выкурить пару дамских сигарет за один раз, либо спрыгнуть с тарзанки. В общем экстремалкой была ещё той.

Но на людях всегда держалась спокойно и покладисто. Довольно мудро. Хитрость в ней тоже присутствовала.

Мария уже заканчивала пятый курс филологического факультета. И всё шло хорошо. Но было одно НО. Это противное и жутко мешающее. С преподавателем русской литературы у неё не сложилось должное взаимопонимание. И этот, вернее, эта, престарелая мадам, и скорее всего одинокая, судя по тому, как она постоянно и до поздна только и делала

что сидела на кафедре, скорее всего испытывала к очаровательной студентке что-то между неприязнью и завистью. Конечно, ведь перед тобой молодая популярная красотка, окружённая вниманием со всех сторон. Особенно мужским. Да ещё и талантливая ко всему. Ведь, Мария была членом писательского клуба. И ко всему писала очень талантливые стихи.

В общем, не хотела эта корга ни в какую ставить ей зачёт по своему предмету, всё время отправляя на очередную пересдачу. Так, Мария выдохлась и начала терять интерес к учёбе. Особенно после многочисленных угроз об отчислении. На последнем то курсе. Вот из-за этого дебильного предмета. А вернее, преподши.

В один из таких апрельских дней, очередной неудачной пересдачи, она направилась на произвол судьбы. Просто гулять. На улицу. Искать приключения, чтобы забыться. И не думать о пучине своих студенческих неудач. Ещё и работа через пару дней. С непослушными учениками.

Снова хотелось курить. Не то, чтобы от острого желания. А скорее от тоски, сжирающей всё изнутри из-за этой проклятой учёбы. Из-за этой старой завистливой корги. Да стрельнуть было не у кого. Разве что только у какого-то мужика, стоявшего недалеко от метро „Бауманская". На вид ничего, - голубые глаза, тёмная кожаная косуха и джинсы, белые кроссы. Скорее всего лет за 40. Как раз в её вкусе. Таких она любила. В стиле „bad boy".

„Подойти или нет" , - думала она. Да вот беда, он вовсе не курил, а держал ручку в руках, чтобы записать что-то в блокнот. Тем временем разговаривая с рядом стоящим молодым человеком - должно быть коллегой.

Всё-таки решившись, она подошла сзади и плавно дотронулась до его плеча со словами „извините".

Мужчина обернулся, сверкнув своей очаровательной брутальной улыбкой и посмотрел прямо на Марию. Их взгляды на миг встретились.

И в этот момент девушка замерла. По телу пробежали мурашки и волна откровения. Как же он был красив. Кажется, она уже видела его где-то раньше. Все её дурные мысли в миг улетучились и она уже забыла об учёбе, экзамене, своей ненавистной преподши.

Он взглянул на неё свысока. Таинственная незнакомка. Плохая девочка. Он ждал. Ждал её просьбы, поняв, что ей что-то от него было нужно. Чувствуя её пленительную энергию света и тьмы. Она очаровала его сразу, но она ещё об этом не знала.

- У Вас закурить не будет?

- А я не курю, - таинственно улыбался незнакомец, неожиданно и медленно поправив выпавшую прядь волос у Марии.

Между ними были считанные сантиметры. Минутное молчание. Ровное дыхание. Казалось, время замерло навсегда.

- Жаль, - отпрянув назад, ответила Мария.

- Сколько тебе лет? - не унимался незнакомец.

- За меня уже не сажают... - ловко произнесла девушка.

От лёгкой и смелой дерзости молодой девушки мужчина не мог не улыбнуться. „А она дерзкая, мать твою. Но смелая..."

- Я - Александр, - представился он, не сводя с неё глаз.

- Мария. - поставила она его перед фактом.

- Прекрасно, - сказал Александр задумчивым голосом, продолжая со страстным желанием смотреть ей в глаза.

И в этот момент расстояние между ними стало равно нулю. А маленький сквер превратился в большую вселенную.

Глава 2

Расстояние между ними стало равно нулю. А маленький сквер превратился в большую вселенную, пахнущую мокрым асфальтом и сладковатым дешевым табаком из открытой двери рюмочной за углом.

— Я не курю, — повторил он тише, но руку с её плеча так и не убрал. Его пальцы были горячими даже сквозь тонкую ткань хлопковой куртки Марии. — Но знаю место, где наливают отличный обжигающий эспрессо. Тебе нужно согреться. Тебя трясет.

Мария действительно дрожала, но холод апрельского вечера был здесь ни при чём. Это была запоздалая реакция организма на адреналин пересдачи, на ядовитый взгляд Веры Аркадьевны, стоявшей у окна кафедры, и на этот внезапный удар молнии посреди Баумана. Она кивнула, не в силах разжать сведенные судорогой челюсти.

Они пошли вниз по улице мимо конструктивистских коробок общежитий. Александр шел чуть впереди, рассекая толпу студентов-бауманцев своим широким силуэтом в коспе. Мария смотрела ему в спину, и до неё медленно, как яд, доходило осознание.

Она видела его раньше. Не во сне, не в фантазиях о плохих парнях. Три дня назад. На кафедре русской литературы двадцатого века.

Он сидел в кресле для посетителей, закинув ногу на ногу всё в тех же белых кроссовках, пока Вера Аркадьевна, постаревшая и осунувшаяся, суетливо перекладывала бумаги на столе. Он слушал её монотонное брюзжание про «падение нравов современной молодежи» со снисходительной полуулыбкой того, кто давно перестал спорить с собственными родителями или начальством. Тогда Мария приняла его за очередного просителя, пришедшего вымалывать оценку для своего чада.

Теперь мозаика сложилась. Белые кроссы. Тот самый изучающий, тяжелый взгляд, которым он окинул кабинет, прежде чем уйти. И главное — фамилия. Когда декан заглядывал в аудиторию, чтобы позвать Александра (тогда она думала, что это просто какой-то Александр), он обратился к нему официально: «Александр Львович, подпишите приказы в пятом кабинете».

Львович. Отчество Веры Аркадьевны было Львовна.

Сердце Марии пропустило удар, а затем забилось где-то в горле, мешая дышать свежим воздухом. Она схватила мужчину за рукав косухи, заставляя остановиться.

— Подожди. Ты... ты ведь сын Веры Аркадьевны?

Александр замер. Тайнственная улыбка сползла с его лица, сменившись тяжелым, каменным спокойствием. Он медленно повернулся. Взгляд голубых глаз потемнел, став цвета грозового неба над промзоной.

— У тебя поразительная способность появляться там, где

рушатся чужие судьбы, Маша, — произнес он без всякого флирта. Голос стал ниже, лишился бархатных нот. — Да. Я Саша. Её Саша. Единственный человек, которого эта железная леди боится больше, чем собственной тени. Потому что только я знаю, сколько дерьма ей пришлось сожрать, чтобы получить эту кафедру.

Он сделал шаг вперед, вторгаясь в её личное пространство снова, но теперь это пугало. Пахло от него уже не романтикой байкерских дорог, а холодной сталью и властью. — Что именно она тебе наплела? Что старая карга завидует твоим пухлым губам? Или что ставит неуд, потому что ты талантливая? Забудь. Проблема твоей сессии решена. Декан примет любой текст, который я пришлю ему через секретаря завтра утром. Ты получишь свой диплом. Своешь его в трубочку и можешь скурить на выпускном, если захочешь.

Мария отшатнулась. Земля под ногами, минуту назад бывшая вселенной, вновь стала твердым, предательским московским тротуаром.

— Ты хочешь купить мне зачет? — голос прозвучал хрипло и жалко. Внутри бунтарки, любящей тарзанку и экстрим, что-то оборвалось и полетело в пропасть. — Из-за того, что твоя мать меня ненавидит? Думаешь, я позволю тебе решать мои проблемы через постель или твои связи в ректорате?

Она развернулась, намереваясь уйти обратно, в сторону метро, в свою привычную жизнь, где враги носят твидовые пиджаки, а спасители — белые кроссовки, которые просто

хотят стрельнуть сигарету. Гордость филолога, пишущего стихи кровью, кричала громче тоски и желания прижаться к этой кожаной куртке.

— Стой, — рыкнул он. Это был не приказ соблазнителя, а окрик человека, привыкшего, что перед ним открываются любые двери. — Никто ничего не покупает. Я пытаюсь спасти тебя от системы, которую ты сама же презираешь! Эта кафедра сгноит тебя. Сначала твой зачет, потом красный диплом, потом они выпьют кровь из твоего писательского клуба. Моя мать видит в тебе себя тридцать лет назад. Только у тебя хватило яиц подойти ко мне на улице, а у неё тогда духу не хватило сесть на мотоцикл и уехать. Она мстит тебе за собственную трусость!

Мария остановилась, но не обернулась. Спина была прямой, как строчка в стихотворении.

— Мне не нужна ваша семейная психотерапия, — бросила она через плечо. — И подачки тоже не нужны. Поставит. Сама. Через две недели, на последней пересдаче. Если нет — значит, пойду работать в кофейню прямо с пятого курса. Передай своей матери, что я докурю эту пачку назло ей. До самого фильтра.

Она пошла прочь, чувствуя, как горят уши. Александр остался стоять посреди улицы. Мария спиной ощущала его взгляд, но знала — он не пойдет следом.

Завтра начиналась работа. С непослушными учениками частной школы. Там хотя бы никто не пытался решить её

судьбу одним росчерком паркера в блокноте. По крайней мере, она так думала.

Войдя в вагон метро на станции «Бауманская», Мария прислонилась лбом к холодному стеклу. Поезд тронулся, унося её в темноту тоннеля. Телефон в заднем кармане джинсов завибрировал. Незнакомый номер.

Она сбросила вызов. Затем еще один. И еще.

На четвертый раз она всё-таки посмотрела на экран. Сообщение в мессенджере от скрытого номера. Ни приветствия, ни подписи. Всего одна строчка:

«Кафедра славистики МГЛУ. 1998 год. Архивные записи защит. Найди диссертацию "Танатологические мотивы в ранней лирике..." Автор — Аркадьева В.Л. Жду в кофейне на Старой Басманной через час. Без истерик».

Рука Марии, державшая телефон, дрогнула. Имя файла старой фотографии, которую она случайно нашла месяц назад в университетской цифровой библиотеке, пытаясь накопать компромат на преподавательницу, вспыхнуло в памяти. Свойства файла. Автор сканирования: A_Lvov_ArchiveBot.

Глава 3

Кофейня на Старой Басманной пахла корицей, жженым сахаром и старыми книгами. Это было тесное помещение с низкими сводчатыми потолками, где вместо модных неоновых вывесок горели тусклые лампы Эдисона, а официанты носили фартуки из грубого льна. Мария сидела в самом дальнем углу, за шатким столиком из цельного дуба, сжимая в руках бумажный стаканчик с остывшим латте. Она пришла сюда сорок минут назад, просто чтобы доказать самой себе, что способна перешагнуть через собственную гордость.

Александр опоздал ровно на три минуты. Он вошел без стука колокольчиком — дверь открылась абсолютно бесшумно. Косухи на нем не было. Вместо неё — тяжелое шерстяное пальто темно-серого цвета, которое делало его старше лет на десять и окончательно стирало налет романтики плохих парней.

Он подошел к её столу молча. Сел напротив, тяжело выдохнул и положил на столешницу пластиковую папку-скорошиватель. Ту самую, которую она видела у него в руках в сквере. Только теперь сквозь прозрачный верх проглядывали пожелтевшие от времени листы бумаги, скрепленные старой металлической скобой.

— Ты искала компромат, — начал он, не дожидаясь вопроса. Его голос звучал глухо, словно ему тоже было труд-

но говорить. — В цифровом архиве библиотеки. Искала по ключевым словам «Аркадьева», «плагиат», «кафедра». Система выдала тебе совпадение по метаданным файла, потому что я сам оцифровывал этот фонд два года назад для министерства. Я видел твой логин.

Мария сглотнула. Ей стало стыдно за свою наивную попытку студенческой мести.

— Что это? — кивнула она на папку.

— Правда. О твоей драгоценной наставнице. Открывай.

Дрожащими пальцами Мария потянула за металлические усики скобы. Папка хрустнула. На титульном листе значилось: «Танатологические мотивы в ранней лирике Серебряного века (на материале творчества З. Гиппиус и раннего И. Анненского)». Автор — Аркадьева Вера Львовна. Год защиты — 1998. Место — МГЛУ.

Она начала быстро перелистывать страницы. Введение, первая глава... Стиль был тяжелым, академичным, перегруженным терминологией. Типичная диссертационная тоска. Но Мария была филологом. Её взгляд цеплялся за абзацы.

На странице сорок третьей она замерла. Пробежала глазами по строчкам еще раз. Подняла взгляд на Александра. Тот смотрел на неё исподлобья, вертя в пальцах ложечку для эспresso.

— Это не девятнадцатый век, — прошептала Мария. — И даже не двадцатый. Синтаксис современный. Вот здесь, смотри: «дискурс травмы», «экзистенциальная заброшен-

ность». Эти конструкты вошли в активный оборот только в начале нулевых. А тут стоит дата — девяносто восьмой год. Тогда писали иначе. Сложнее, витиеватее. Или проще, но другими словами.

— Умница, — впервые за вечер Александр позволил себе подобие улыбки, которая, впрочем, не коснулась глаз. — Двигайся дальше. Глава вторая. Список литературы.

Мария пролистнула плотные, чуть влажные от старости страницы. Список использованной литературы. Сорок источников. Из них тридцать пять — статьи из журналов «Вопросы философии» и «Новое литературное обозрение» за 2004, 2006 и 2008 годы.

— Она путешествовала во времени? — горько усмехнулась Мария, чувствуя, как внутри всё леденеет. Отвращение сменило собой страх перед отчислением.

— Нет. Она отправила туда своего мужа. Мой отец, Лев Аркадьев, был гением. Настоящим, буйным, спившимся профессором старой школы. Он писал эту работу ночами, когда мать уже опустила руки после двух провалов защиты. Он собрал ей этот конструктор из зарубежной критики, перевел нужные цитаты и выстроил структуру. А потом, за неделю до защиты, ушел. Просто исчез из квартиры, оставив записку, что едет развлекаться в Питер.

Александр подался вперед. Белые кроссы больше не диссонировали с образом — они выглядели как вызов этому полутемному, пропитанному пылью веков заведению.

— Он так и не вернулся. Инсульт на перроне Витебского вокзала. Мама осталась одна. С текстом чужой гениальности, который она защитила своим железным голосом и безупречной анкетой комсомолки. Она построила всю свою карьеру на мертвом теле моего отца, Маша. Каждый её удачный день — это украденный у него час. Поэтому, когда она смотрит на тебя... талантливую, дерзкую, живую девочку со своими стихами... она видит призрак отца, который посмел жить дальше, пока она хоронила себя заживо в пыльных отчетах кафедры.

В кофейне повисла тишина, нарушаемая только шипением кофемашины. Мария смотрела на ксерокопии статей из будущего, вклеенные в тело диссертации прошлого. Вся эта история перестала быть комедией положений про злобную преподашу. Это была трагедия шекспировского масштаба.

— Чего ты хочешь от меня? — тихо спросила она. — Зачем привез меня сюда? Показать, что твоя семья такая же прогнившая, как и вся система образования?

— Я хочу, чтобы ты закончила начатое моим отцом, — отрезал он. — Твоя курсовая работа по поэтике обериутов. Та самая, за которую она поставила тебе первый «неуд», назвав её «инфантильным бредом».

Мария похолодела. Она помнила ту работу. Лучшее, что она писала за все пять лет.

— Причем здесь...

— Текст никуда не исчезает, — перебил Александр. Он

достал из внутреннего кармана пальто свой блокнот. Но это был не обычный ежедневник. Это был тонкий графический планшет последней модели. Он провел пальцем по экрану. — Я поднял серверные логи факультета. За день до того, как ты получила разгромную рецензию, файл твоей курсовой открывали. С учетной записи лаборанта кафедры. Копия ушла в облако.

Он развернул планшет к ней. На экране открылся её текст. Вернее, то, что от него осталось. Кто-то прошелся по нему зеленым маркером правок, сохранив суть, но изменив формулировки. Сделав их более... зрелыми. Сухими. Академичными. Убрав весь воздух, всю поэзию.

— Она украла твою идею, — сказал Александр. — Вычистила оттуда твою бунтарскую душу, добавила ссылок на монографии своих подруг по кафедре и готовит статью в «Вестник МГУ». Под своей фамилией. Твой текст станет её спасательным кругом, новой публикацией для отчета перед министерством. Очередной кирпичик в мавзолее её фальшивой репутации.

Мария смотрела на свои собственные слова, изнасилованные научным стилем, и чувствовала, как тошнота подступает к горлу. Это было хуже, чем несданный зачет. Это было убийство. Литературное убийство.

— Что ты предлагаешь? — её голос сел до шепота. — Шантажировать её этим? Принести декану две папки? Станем такими же, как она?

Александр захлопнул планшет.

— Нет. Мы сделаем изящнее. Ты пойдешь на пересдачу. Через две недели. Ты вытянешь билет, который она приготовила для тебя специально — самый мерзкий, по творчеству советских функционеров. Ты будешь мямлить. Пожалуешься на мигрень. Скажешь, что из-за стресса и угрозы отчисления у тебя начались панические атаки. Потребуешь перенести экзамен. Напишешь заявление на имя декана. Официально. Зарегистрируешь его в канцелярии.

— Чтобы получить репутацию нервной истерички? — Мария вскинула брови. Внутри неё снова поднимала голову та самая девчонка с пирсингом, готовая прыгнуть с тарзанки назло всему миру.

— Чтобы выиграть время, — жестко оборвал он. — Пока комиссия будет рассматривать твоё заявление о переносе по состоянию здоровья, мы закончим другое дело. Ты перепишешь свою курсовую. Вернешь ей её настоящий голос. Добавишь главу, которой там не хватало — анализ тех самых стихов, которые ты читала в писательском клубе месяц назад. Своих стихов. Мы соберем независимую комиссию. И прямо на защите твоей курсовой — открытой, публичной, с приглашением журналистов из профильных изданий — мы предьявим сравнительный анализ текстов. Твоего оригинала и её будущей «великой научной статьи».

Он накрыл её руку своей ладонью. Хватка была стальной.

— Мы не будем её топить, Маша. Мы заставим её при-

знать воровство публично. Заставим вернуть авторство тебе. После такого унижения на ученом совете ни один приличный журнал в стране не возьмет её тексты. Карьера вашей «корги» закончится не тихим гниением на кафедре, а оглушительным позором. Она сама подпишет тебе любой зачет, лишь бы ты забрала заявление о плагиате и оставила ей остатки достоинства.

Мария высвободила руку. Посмотрела на желтую страницу диссертации, затем в холодные голубые глаза Александра.

— А если она сломается раньше? Если пойдет к ректору с этой папкой про девяносто восьмой год? — она кивнула на скоросшиватель. — Ее посадят за фальсификацию документов. Тебя лишат всего. Ты рискуешь всем ради студентки, с которой переспал один раз в сквере?

Александр откинулся на спинку стула. Усталость, наконец, проступила на его лице — глубокие тени под глазами, резкая складка у губ.

— Во-первых, в том сквере мы еще не переспали, — уголки его рта дрогнули. — А во-вторых... Знаешь, почему мой отец ушел тогда, в девяносто восьмом? Он оставил ей готовую диссертацию, но забрал с собой черновики романа. Великого романа, который мог сделать его новым Булгаковым. Он спрятал их. И никто никогда их не нашел. Моя мать думает, что рукопись сгорела вместе с ним. Но я знаю, где она. Отец оставил мне ключ. Не от банковской ячейки. Ключ к пониманию. Он понимал, что такое свобода.

Он полез во внутренний карман пальто и достал маленький серебряный предмет. Положил его на стол рядом с остывшим латте Марии.

Это была зажигалка. Тяжелая, винтажная Zippo с выгравированной надписью. Мария прищурилась, вчитываясь. «Сжигать мосты — удел трусов. Сжигай только черновики».

— Я устал смотреть, как она убивает всё живое вокруг себя, пытаюсь защитить труп чужого успеха, — произнес Александр, застегивая пуговицу на пальто. — Исправляй свою курсовую, Мария. Возвращай себе свой голос. А я займусь тем, что действительно имеет значение.

Он поднялся, бросил на стол несколько купюр, покрывающих счет обоим, и пошел к выходу.

Мария осталась сидеть в душистой темноте кофейни, глядя на серебряную зажигалку. Экзамен, кафедра, угроза отчисления — всё это вдруг показалось мелкой возней муравьев. Перед ней на столе лежала разгадка тайны тридцатилетней давности и холодный металл, способный превратить любую бумагу в пепел.

Глава 4

Две недели до пересдачи превратились в изматывающий марафон. Днем Мария жила двойной жизнью: на парах она играла роль сломленной, запуганной студентки, отводила взгляд, когда Вера Аркадьевна проходила мимо кафедры, и старательно делала вид, что зубрит билеты по советской номенклатуре. Ночами же её съемная комната в Чертанове превращалась в штаб-квартиру подпольного издательства.

Александр оказался педантом с замашками спецagenta. Он не прикасался к её тексту — это было бы повторением истории его отца. Вместо этого он прислал ей зашифрованный архив со сканами черновиков Веры Львовны 1998 года, графики частотности употребления слов-паразитов академического стиля того времени и список «мертвых» метафор, которые использовали посредственности конца девяностых.

Мария переписывала свою работу заново. Она вычищала из неё душу, как велел Александр, делая текст сухим и наукообразным для отвода глаз, но прятала внутри него, словно вирусный код, свои настоящие смыслы. Это был высший пилотаж филологического цинизма — написать идеальную советскую статью так, чтобы за каждым штампом сквозила издевка. Свои лучшие стихи она оформила как приложение «Анализ маргинальных фольклорных мотивов», снабдив их такими комментариями, от которых у любого нормального

профессора волосы встали бы дыбом.

В день открытой защиты курсовой зал был полон. Александр сдержал слово: пришли студенты с журфака, два пожилых литературоведа, чьи имена Мария видела только на корешках книг в Ленинке, и даже сонный фотограф из независимого культурного вестника. Воздух пах озоном после утренней грозы и плохо скрываемым напряжением.

Вера Аркадьевна сидела в первом ряду, прямая как шпала. На ней был лучший костюм — тот самый, бордовый, в котором она обычно принимала задолжников, чувствуя себя инквизитором. Когда Мария вышла к кафедре, преподавательница позволила себе тонкую, ядовитую усмешку. Она была уверена в провале этой выскочки перед лицом настоящих ученых.

— Тема моей работы продиктована интересом к трансформации образа маленького человека в условиях позднесоветской бюрократической системы, — начала Мария монотонным голосом, читая с листа заготовленную скучную речь.

Она говорила минут десять. Усыпляла бдительность. Зал начал позевывать. Вера Аркадьевна расслабила сцепленные в замок пальцы.

— А теперь перейдем к практической части, — Мария щелкнула пультом лазерной указки. На экране за её спиной появился слайд не с графиками, а с рукописным листком в клеточку. Её собственным почерком. Тем самым, который лаборантка кафедры аккуратно сканировала месяц на-

зад. — Объектом моего исследования послужил данный поэтический фрагмент, записанный мной в состоянии сильного стресса во время подготовки к вашей передаче, Вера Львовна.

По залу прошел шелест. Лицо преподавательницы пошло багровыми пятнами.

Мария начала читать. Это были те самые стихи. Одиночество в мегаполисе, вкус дешевого вина на губах, страх перед будущим и дерзкая, почти животная жажда жизни. Но между строфами, сухо и методично, как патологоанатом, она вставляла цитаты из будущей статьи Веры Аркадьевны.

«...как отмечает исследователь в неопубликованной пока работе "Эскапизм как форма социальной адаптации", подобные тексты характеризуются "экзистенциальной заброшенностью субъекта". Однако анализ синтаксических конструкций показывает, что автор намеренно использует этот терминологический аппарат для создания контраста...»

Мария была точно в цель. Она доказывала, плагиат математически. Те же ритмические сбои. Те же уникальные, неловкие тире в местах, где прозаик поставил бы точку. Тот же специфический ритм дыхания текста, который невозможно подделать, если ты сам не дышал этими словами.

Когда она закончила, в зале стояла мертвая тишина. Слышно было только, как тяжело, с присвистом, дышит Вера Аркадьевна.

Первым опомнился один из приглашенных светил, стари-

чок в твиде: — Голубушка, да ведь это же... компаративистика чистой воды. Если сопоставить с текстом статьи, которую уважаемая Вера Львовна любезно предоставила редколлегии нашего сборника вчера вечером... совпадения пугающие. Девяносто процентов лексического сходства при идентичной пунктуации в спорных моментах.

Вера Аркадьевна вскочила. Стул с грохотом упал на паркет. — Да как вы смеете! — голос её, обычно властный, сорвался на визг. — Это провокация! Эта девчонка украла мои наброски из моего кабинета! Она взломала мою почту! Вы все подстроили! — она трясущимся пальцем указала на Александра, сидящего в самом дальнем углу с абсолютно каменным лицом.

— Успокойтесь, Вера Львовна, — поднялся декан. Он выглядел бледным. Скандал такого масштаба на пустом месте защиты курсовой — это конец карьеры самого декана. — Мария, заявление о переносе экзамена я получил. Оно аннулируется. Курсовая работа принимается комиссией. По результатам сверки текстов будет созван этический комитет...

— Комитет?! — взвыла Аркадьева, хватаясь за сердце. — Меня, доктора наук, сорок лет стажа... перед кем мне оправдываться? Перед этим ничтожеством?!

И тут произошло непредвиденное. Мария шагнула вперед, прямо к краю сцены. Та самая бунтарка, которая боялась поднять глаза на преподашу три недели назад, исчезла. Осталась только холодная ярость.

— Сорок лет стажа? — тихо, но так, что слышали в последних рядах, произнесла Мария. — Ваш единственный настоящий текст написала рука мертвого мужа. Я знаю, Вера Львовна. Про диссертацию девяносто восьмью года. Про МГЛУ. И про то, почему ваш сын носит белые кроссовки вместо того, чтобы топить таких, как вы, вместе с ним.

Это был удар ниже пояса. Личное, грязное, то, чем шантажировать нельзя. Мария сама ужаснулась своих слов, но отступать было поздно. Эффект разорвавшейся бомбы превзошел любые доказательства плагиата.

Вера Аркадьевна замерла с открытым ртом. Кровь окончательно схлынула с её лица, оставив лишь восковую серость. Она посмотрела на Марию, потом перевела взгляд на сына. Александр смотрел на неё без злобы, без торжества — с бесконечной, вселенской усталостью. В этом взгляде не было любви ребенка, только приговор взрослого мужчины.

Преподавательша пошатнулась. Сухой, деревянный звук — будто сломалась спица старого зонта. Она осела на пол прямо там, между рядами стульев, прижимая ухоженную руку к груди.

Началась суэта. Кто-то кричал, требуя скорую, кто-то пытался привести её в чувство. Студенты повскакивали с мест, снимая обморок на телефоны. Декан орал в мобильный телефон, вызывая охрану и медиков университета.

Мария стояла на сцене, сжимая пульт от проектора. Пальцы дрожали. Она победила. Она уничтожила врага публич-

но, защитила свое имя и вернула свой текст.

Сквозь толпу зевак к выходу пробирался Александр. Их взгляды встретились на долю секунды. Он едва заметно кивнул ей — одобрительно, но отстраненно — и скрылся за тяжелой дубовой дверью аудитории.

Скорая приехала через двадцать минут. Веру Аркадьевну вынесли на носилках. Главврач больницы, куда её доставили, позже скажет журналистам стандартную фразу про гипертонический криз на фоне переутомления, но на факультете знали правду: железная леди просто рассыпалась в пыль, столкнувшись с призраком собственного прошлого.

Вечером того же дня Мария сидела на ступеньках служебного входа в главный корпус. Руки всё еще пахли валерьянкой, которой какая-то сердобольная лаборантка пыталась отпоить её после случившегося. Зачётка лежала рядом. Внутри, напротив ненавистного предмета, стоял жирный синий «зачет», поставленный лично деканом трясущейся рукой. Рядом лежала серебряная зажигалка Zipro.

Телефон издал тихий сигнал. Сообщение от скрытого номера.

«Кафедра славистики МГЛУ. Подвал. Старый фонд. Папка 404-Б. Отец спрятал роман не в Питере. Он оставил ключ здесь. Приезжай одна».

Мария посмотрела на массивные двери университета. Только что она выиграла войну за диплом, но внезапно поняла, что всё это время сражалась лишь на периферии чужо-

го фронта.

Она надела куртку, сунула зажигалку в карман и вызвала такси. Страх перед отчислением казался теперь смешным детским кошмаром по сравнению с тем мраком, который ждал её в подвалах библиотеки МГЛУ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.